

УДК 316.52

МЕТАФОРЫ, МИФЫ И МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРОВИНЦИАЛОВ С ЖИТЕЛЯМИ СТОЛИЦЫ

Пелин Александр Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальной работы государственного высшего учебного заведения "Ужгородский национальный университет"

В статье анализируется место мифов о провинции в традиционной системе социальной иерархии. Раскрыты стратегические задачи мифов, ресурсы и цели традиционного мифотворчества о провинциализме. Подчеркнуто, что в период перехода от традиционных социальных структур к сетевому обществу, классическая поляризация провинции и столицы теряет свою актуальность. Новые модели взаимоотношений провинциалов с жителями столицы демонстрируют радикальную трансформацию социального пространства и времени.

Ключевые слова: провинция, столица, миф, социальная структура, социальный ресурс, социальная сеть.

У статті аналізується місце міфів про провінцію в традиційній системі соціальної ієрархії. Розкриті стратегічні завдання міфів, ресурси і цілі традиційної міфотворчості про провінціалізм. Підкреслено, що в період переходу від традиційних соціальних структур до мережевого суспільства, класична поляризація провінції і столиці втрачає свою актуальність. Нові моделі взаємин провінціалів з жителями столиці демонструють радикальну трансформацію соціального простору і часу.

Ключові слова: провінція, столиця, міф, соціальна структура, соціальний ресурс, соціальна мережа.

In the article the place of myths is analysed about a province in the traditional system of social hierarchy. The strategic tasks of myths, resources and aims of traditional mythological, are exposed about provincialism. Another postulates that in the period of transition from traditional social structures to network society classic polarization of province and the capital loses the actuality. The new models of mutual relations of provincials with the habitants of the capital demonstrate radical transformation of social space and time.

Keywords: province, the capital, myth, social structure, social resource, social network.

Процесс глобализации современного мира, превратившись в один из актуальнейших предметов междисциплинарных научных исследований, не стал более понятным и прогнозируемым. Рост научного знания о процессах глобализации значительно опережает накопление знаний о позитке и мифологии этого феномена. Более глубокое понимание процесса глобализации возможно при помощи исследования аспектов, наполненных позиткой и мифологией. К такому аспекту относится явление провинции и провинциальной жизни. Провинция в качестве целостного феномена противостоит процессу глобализации и очерчивает перспективы ее развития. Противостояние провинции процессам глобализации опредмечено через взаимоотношения провинции и столицы. Урбанизация постиндустриальной эпохи заостряет взаимоотношения провинциалов и жителей столицы на новом, малоисследованном уровне. Взаимоотношения провинциалов с жителями столицы активно влияют на организацию социального пространства и времени. В новом пространственно-временном континууме столицы и провинции приобретают новые качества, их взаимодействие развивается в соответствии с принципиально новыми моделями.

В социологической науке накоплен значительный теоретический материал, который касается исследований влияния процесса урбанизации на взаимоотношения провинциалов с жителями столиц. Тема социальных последствий индустриальной урбанизации постоянно звучала в трудах классиков европейской и американской социологии: О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Ф. Тённиса, А. Тойнби, М. Вебера. Среди современных исследователей постиндустриальной урбанизации можно отметить С. Хантингтона, Э. Баумана, Д. Харви, М. Кастельса, С. Сассен. Непосредственно темой взаимоотношений провинциалов с жителями столицы разрабатывается украинскими исследователями, как В.И. Ковалев, И.М. Варзар, А.М. Круглашов, М.Ю. Простаков, В.П. Фисанов, С.Е. Покровская и другие. В их работах провинциальная реальность рассматривается в ее соотносительности с повседневной и обыденной жизнью, а провинциальный и столичный менталитет в их единстве и борьбе иллюзий [1].

Цель статьи – анализ модели взаимоотношений провинциалов и жителей столицы, представленную метафорами и мифами о провинциальной жизни. Продвижение к цели предполагает решение следующих задач: раскрыть метафоричность понятия "провинция"; определить провинциализм как современный миф; определить стратегию, ресурсы и цель мифотворчества о провинциализме; определить социальные адреса авторов мифа о провинциализме, угрозы глобальной провинциальности и провинциализации столиц.

Метафоричность понятия "провинция"

Исторически значение понятия "провинция" связано исключительно с денотатом "территория". Несмотря на семантическую однозначность понятия, его давно используют и в качестве метафоры. Согласно словарю В. Даля термин "провинциальный" означал не только "нестоличное пространство жизни", но и включал вполне определенные негативные смыслы: "отсталый", "наивный", "простоватый". Несмотря на непродолжительность жизни большинства метафор, данная метафора прижилась даже в качестве международной. Это может означать что метафора провинциализма стала составляющей какого-то очень важного социального процесса.

В 1944 году Томас Стернз Элиот (Eliot) зафиксировал новое определение провинциализма. Традиционный денотат понятия - "территория" был расширен новым предикатом – "время". Казалось бы, провинциализм получил место в пространственно-временном континууме и может стать предметом строго научного исследования. На самом же деле, Т.Элиот при помощи новой метафоры сконструировал новый вид провинциализма. Это "провинциализм не местоположения, а времени, для которого история - лишь смена орудий, отслуживших свое и выброшенных на свалку, для которого мир является безраздельной собственностью живущих, собственностью, в которой мертвые не имеют доли" [2, с. 257]. Самое удивительное, что такое расширение понятия было практически безоговорочно принято общественностью. Таким образом, семантическая однозначность понятия была утеряна и окончательно узаконена его метафоричность.

Провинциалами стали называть не столько людей, территориально отделенных от столицы, имсющие узкий кругозор или отсутствие столичного лоска, сколько тех, кто "смешивают мелкое с существенным, сиюминутное с вечным". Провинциалами могут считаться люди, склонные путать знания — с мудростью, а простую информированность — со знанием. Несмотря на метафоричность нового понимания провинциализма, стала очевидна угроза тотальной провинциализации. Благодаря метафоричности понятия, риск быть идентифицированным в качестве провинциала ощутили все, независимо от своего территориального местоположения. Благодаря метафоричности, понятие провинциала практически полностью слилось с ощущением аутсайдера и лузера, которое стали способны ощутить не только жители отдаленных регионов, но жители столицы. Противопоставить что-то такой угрозе невозможно в силу невозможности описать содержание или понять метафору, обречены на провал. И проблема не только в том, что невозможно дать точное описание того, что благодаря метафоре мы увидели в новом свете. Основная трудность состоит в том, что видимое нами благодаря метафоре, не является пропозициональным. Критик же метафоры способен всего лишь на конкуренцию с автором метафоры. Так, стремясь выполнить свою задачу, критик только привлекает внимание к красоте, точности и скрытой силе метафоры как таковой [3].

Таким образом, все наши попытки критиковать метафоричность провинциализма будут только привлекать дополнительное внимание к этому явлению и, скорее всего, усиливать его влияние. Продуктивный анализ провинциализма возможен при переходе исследователя с метафоричного уровня анализа на уровень анализа провинциализма как мифа.

Провинциализм как миф

Миф, в отличие от метафоры, поддается продуктивному анализу как явление, которое обладает эффективно определенной логичной структурой. Благодаря этой определенности, согласно концепции мифотворчества Р. Барта, конструирование мифа доступно всем желающим. Для этого необходимо заменить существующий денотат знаком. Например, все предикативное разнообразие людей, которые живут не в столице, подменяется специально сконструированным понятием "провинциализм". Иными словами, то, чем означают (знаки), в мифах становятся тем, что означают (денотатом) [4]. Специально сконструированный из знака денотат легко наполняется "полезными" для мифотворчества предикатами.

Основной атрибут мифологем – большая доступность предикатов понятия для потребителя. Например, провинциализму приписываются два вполне наукообразных предиката: "остановленное время" и "застывшее пространство". В них еще сохраняется известная доля метафоричности или непропозициональной просветленности через другое. Однако почти полностью устраняется несовместимость элиотовских метафор "провинциализма местоположения" и "провинциализма времени". Так из спонтанных метафор как из морской пены, рождается миф о провинциализме как о системе социального торможения.

Миф о провинциализме быстро обрастает новой наукообразной терминологией о наборе "географических, природно-климатических и исторических особенностей провинции", "собственных ментальных характеристиках провинциальности": обозримости и замкнутость культурного горизонта; близости культурных процессов к человеку, а человека к природе; включенности явлений культуры в повседневное бытие провинциального общества; неадекватности оценок; повышенной эмоциональности, яркость впечатлений; консерватизме вкусов; резким контрастом психологических реакций [5].

В этом месте миф о провинциализме пытается утвердиться в новом качестве – социальной стратегии. На этом этапе миф о провинциализме работает в новом качестве – концентрирует усилия общества в направлении накопления символических капиталов в столице.

Стратегия, ресурсы и цель мифотворчества о провинциализме

Ресурсы – наиболее очевидные и доступные элементы социальной технологии. Возможность их использования делает осмысленным применение разнообразных метафор и мифов о провинциализме. Только на этом уровне можно понять истинную стратегию и цель мифотворчества о провинциализме. Мифы о провинциализме как системе социального торможения относятся к категории неочевидных, но доступных явлений. Стратегия столичного мифотворчества, накопление символических капиталов в столице, относится к категории относительно очевидных явлений. Для реализации стратегии и поддержания мифологии жители столицы используют вполне очевидные и доступные ресурсы: иронию над всем провинциальным как кустарным, второсортным и отсталым; оправдание перераспределения финансовых ресурсов в пользу столицы и т.д. Главными ресурсами провинциалов выступают их родственные связи, кумовство, трайбализм.

Цель социальных технологов, авторов и исполнителей мифа о провинциализме - построение устойчивой социальной пирамиды. Цель относится к категории очевидных, но недоступных явлений. Для продвижения к цели технологи используют очевидные и относительно доступные явления, которыми являются индикаторы прогресса. Основной индикатор успеха технологии накопления символических капиталов в столице - предпочтении столичных услуг и товаров, изготовленных в столице.

Таким образом, рожденные из небытия метафоры подпитывают мифологию о провинциализме и благодаря строго определенной стратегии и доступным ресурсам, достигают желаемого результата (См.: таб.1). Движение осуществляется как бы по кругу, в направлении целей и идеалов.

Таблица 1.

	<i>Очевидные явления</i>	<i>Относительно очевидные явления</i>	<i>Неочевидные явления</i>
<i>Доступные явления</i>	Ресурсы провинциалов и жителей столицы	Стратегия мифотворчества	Мифы о провинциализме
<i>Относительно доступные явления</i>	Индикаторы прогресса		Провинциализм как метафора
<i>Недоступные явления</i>	Цели	Идеалы	"Небытие понятия" провинции

"Социальные адреса" авторов мифа о провинциализме и конструкторов социальной технологии.

Центр – место концентрации капиталов. Столицы государств, концентрируя финансовые капиталы страны, не всегда способны их эффективно использовать. В этом им противостоят социальные капиталы провинции (или, попросту, родственные связи провинциалов). Это уже не мифы, а реальная опасность для Центра. Борьба с провинциализмом – это серьезная борьба с непобедимым кумовством или непонятным пока большинству населения "трайбализмом" (родоплеменными отношениями). Борьба порождает врагов, жертвы, героев, чувства и множество других атрибутов недетских игр Центра и Провинции.

Централизованное присвоение финансовых капиталов осуществляется при помощи не только административных запретов, но и латентных методов. Ограничения доступа к распределению благ "неотесанной деревенщины" из провинции осуществляется при помощи символического капитала. Символический капитал - это маржа, которую жители столицы получают на разнице между уровнем своего престижа и негативным имиджем провинциала – "лузера" [6]. У провинциалов может не хватать: образования, информации, компетентности, такта, вкуса, стиля и много другого. Все это выступает ресурсами, средствами социальной технологии.

Однако недоступность одного из видов капитала развивает потребность в доступности других видов капитала. Ограниченная власть провинции над физическим пространством и временем усиливает потребность в символической власти. Провинциалы, вооруженные жаждой символической власти, сметают на своем пути к реальной власти в столицах любые преграды. Недоступность финансовых и

перегруженність соціальними капіталами породжує віртуозів-конструкторів символічних капіталів як в столиці, так і в провінції. Нерідко, виходці з провінції краще "столичних" усвідомлюють небезпеку домінування соціальних капіталів (родових зв'язів) при обмеженості фінансових.

На практиці це означає щире визнання частію провінціалів першості столиці або не зовсім явне перевагу столичних послуг і товарів. Ці переваги служать надійними індикаторами, вказуючими нам точний "соціальний адрес" авторів міфу про провінціалізм. Наприклад, заради суспільних ідеалів, позначених в таблиці 1, жителі провінції можуть бути більш активними акторами, ніж це необхідно для побудови стійкої соціальної ієрархії. Індикатором надмірного переігрывання провінціалами своєї ролі можна вважати столичний снобізм.

Жителям провінції необхідно усвідомити, що вони можуть бути не тільки жертвами соціальної технології, але і її співтворцями. При цьому провінціали потрібні столичній еліті не стільки для роботи, скільки для підтримки їх соціального статусу і додаткового накоплення символічних капіталів.

Угрози глобальної провінціальності

Основна загроза глобальної провінціальності – дисбаланс між різними категоріями капіталів. Неможливо вважати нормальним зниження частки соціального капіталу заради нарощування фінансових або символічних. За даними експертів, в США за останні 25 років була виявлена тенденція до скорочення соціального капіталу. Згідно дослідженню Роберта Патнема, кількість членів різного роду добровільних асоціацій за минулі два-три десятиліття скоротилася з 25 до 50%. На чверть скоротилося час, витрачається на неформальне спілкування поза роботою, а рівень довіри між людьми знизився на третину [7].

Жорстке протиставлення "столичності" і "провінціальності" доповнюється тотальним заблудженням, що "провінція представляє собою світ, не здатний принципово самооновлюватися". В поняття "столичність" вкладають "сучасний рівень науково-технічного розвитку, космополітичні тенденції (пост)індустріальної цивілізації, напружений ритм неперервно оновлюючоїся життя, драматизм мироощущення "простого людини" в чуждому йому, не масштабної точки зору його людської міри, якщо не ворожої, соціальної середовища"; під поняттям "провінціальність" – "сравнительная тишина і спокій традиційного ладу, розміреність стійкого буття, близькість до "истокам" народної життя, влада традиційного, ізоляціоністські, націоналістичські, консервативні тенденції" [5].

На самому справі тільки завдяки провінції або провінціальності можливо стійке виробництво і самооновлення. Здатність до виробництва також властива провінціальності, як здатність частини людства до жіночості. Відсутність достатньої уваги і поваги до провінції так само небезпечно, як недостатня увага чоловічої частини населення до жіночої. Загроза такого взаємодіяння стосується не тільки стійкості системи суспільного виробництва, але і несподіваного перевертання всієї соціальної системи на користь глобальної провінціальності-жіночості. Ця загроза схожа на загрозу неопитного екілібриста, який змушений пасти в ту сторону, в яку він більше всього боїться упасти.

Подобну загрозу почував російський дослідник С.Б. Борисов. В своїй докторській дисертації "Субкультура дівочості: російська провінція 70-90-х рр. ХХ століття" він зв'язав дослідження провінціальності і жіночості. 10000 сторінок ісповідей 250 дівчат Курганської області переконливо показали сакральний зміст провінціальних "дівочих ігор", жіночих "акторських" ролей – "матерей" і "жінок" ("в дочки-матери", "в сім'ю"), "хазяек" ("в дім"), невест ("в свідбу", "в принцесс") [8]. Завдяки подобним дослідженням стає зрозуміло, що столичне високомер'я руйнує не провінціальне ціломудріє, а саму цілісність цього світу. Виробництво складаючої частини приносить в жертву динаміку, іншої темпоральності жителів столиці. Провінціали, перебуваючи поза часом, ще більше дорожать належністю до "свого" провінціального простору. Границі соціальних просторів провінції і столиці набувають незвичайну міцність.

Складившись в останні два-три десятиліття глобальна економіка нового типу зобов'язана радикально трансформувати взаємовідносини провінціалів з жителями столиці. Глобалізація привносить в відносини провінції і столиці мережу організацію, тому що в нових історичних умовах "досягнення певного рівня продуктивності і існування конкуренції можливо тільки всередині глобальної взаємозв'язаної мережі" [9, с.81]. Однак мережева організація суспільства, призначена інтегрувати всі її складові частини, наносить руйнівний удар по ідентичності. Виникає делегітимація таких потужніших соціальних інститутів, як сім'я і виховання. За думкою Мануеля Кастельса, члени мережевого суспільства все частіше організують свої значення не навколо того, що вони роблять, але на основі того, кем вони є, або своїх уявлень про те, кем вони є. Мережева структура розширює можливості підключення цілих регіонів до мережі в залежності від їх значимості для виконання завдань мережі і відповідності виробленим стратегіям.

Стратегические решения и задания отдельных проектов сетевого общества могут генерироваться не только в столицах, но и в провинциях. Благодаря сетевым структурам мир превращается в глобальную провинцию или в глобальный город. Понятие глобального села, впервые введенное в оборот канадским социологом Маршаллом Маклюэном в 1962 году, мирно уживается с понятием "глобального города" Саскии Сассен [10]. Расхождение темпоральности между провинциалами и жителями столицы становится условным. Формирование феномена "вневременного времени" возможно не только в провинции, но и в столице. Физическое пространство, трансформируясь в "пространство потоков", способно нивелировать провинциальную идентичность с "собственной" территорией. В этих условиях метафоричность и правдоподобность приобретает статус реального и объективного, а мифология приобретает статус обязательного технологического элемента всех социальных проектов.

Таким образом, классическая поляризация провинции и столицы теряет свою актуальность. Миф о провинциализме как системе социального торможения, созданный как средство накопления социального капитала столицы. Основные ресурсы провинциалов более активно и агрессивно используются в столице, чем ресурсы жителей столицы в провинции. Социальная пирамида уступает место сетевой структуре. Основным индикатором успеха, как провинциалов, так и жителей столицы становится включенность в сетевую структуру. Сетевая структура расширяет возможности подключения целых регионов в зависимости от их значимости для выполнения заданий сети и соответствия выработанным стратегиям.

Новое видение взаимоотношений провинциалов и жителей столицы позволяет понять направление социальных трансформаций, адекватно декодировать сигналы современного общества. Способность не выпасть из темпоральности современной миросистемы, не оказаться в рамках "вневременного времени" будет способствовать правильной передаче социальной эстафеты новому поколению. Представления о новых моделях взаимоотношений провинциалов и жителей столицы, понимание места мифологии в жизни современного общества позволит повысить уровень адаптации в новом социальном пространстве потоков: капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Актуальні проблеми сучасної провінціології / Збірник тез і матеріалів науково-практичних конференцій – семінарів за 2006-2009 рр. – Одеса: ТЕС, 2009 – 140 с. 2. Элиот Т. С. Назначение поэзии [Электронный ресурс]. - Киев - М.: 1997. - Режим доступа: <http://metlit.nm.ru/materials/dialog/dialog1.html> 3. Дэвидсон Д. Что означают метафоры / Д.Дэвидсон // Теория метафоры. - М.: Прогресс, 1990. - С. 172-193. 4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р.Барт; - [Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова].— М.: Вид. группа "Прогресс", "Универс", 1994. - 616 с. 5. Пространство российской провинции [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.mirrbot.com/work/work_42177.html 6. Нестик Т. Культурный, социальный и символический капиталы [Электронный ресурс] // Альманах "Восток". Выпуск №2 (14), февраль 2004. - Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_325.htm 7. Putnam R. Bowling alone: the collapse and revival of American community / Robert Putnam. - New York: Simon Schuster, 2000. – 541 p. 8. Борисов С. Б. Субкультура девичества: российская провинция 70-90-х гг. XX века: Диссертация ... доктора культурологических наук : 24.00.01 / Борисов С.Б. - М., 2002. – 276 с. 9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.miemp.ru/plan/text/inform/Kastel.pdf> 10. Сассен С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки / Саския Сассен // Прогнозис. № 4.- 2005.- С.49-54.